

УДК 811.512.156 / DOI 10.30982/2077-5911-2020-43-1-98-109

**ОТРАЖЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ
В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ТУВИНЦЕВ
(ПО ДАННЫМ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)**

Цыбенова Чечек Сергеевна

научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения РАН
670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, д.6
tschechek@mail.ru

Статья посвящена вопросам трансформации системы этнокультурных ценностей, которые исследуются через призму образов языкового сознания. На основе материалов ассоциативного эксперимента, проведенного с носителями тувинского языка, анализируются слова, отражающие кочевой уклад жизни тувинцев: *отара*, *юрта*, *конь*. Ассоциативные значения указанных слов рассматриваются в сопоставлении с традиционными культурными представлениями тувинского народа, анализируются новые, приобретенные смыслы, представленные в образе мира современного носителя тувинской лингвокультуры. В результате проведенного анализа выявлено, что в ассоциативном поле таких слов, как *юрта* и *конь*, появляются и закрепляются новые ассоциативные значения, которые свидетельствуют об изменениях в традиционном миропонимании тувинцев. При этом анализ показывает, что ассоциативные значения обновляются не у всех лексических единиц. В центральной зоне слова *отара* отмечено наибольшее количество нулевых реакций, которые говорят об отходе тувинцев от традиционных видов хозяйствования. Поэтому некоторые слова, связанные со старым укладом жизни, практически неизвестны современному носителю языка, наблюдается их «лексическая дефункционализация». Актуализация несвойственных ассоциативных образов говорит об изменении в языковой ментальности тувинцев, о формировании новых национально-культурных стереотипов. Исследование динамики значения слова является актуальным для прогнозирования развития национальных культур и современного общества в целом.

Ключевые слова: ценности, трансформация ценностей, языковая ментальность, языковое сознание, тувинцы, тувинский язык

Введение

В настоящее время ценности, их трансформация и динамика активно исследуются на основе теоретических подходов современной лингвистики. В частности, наиболее конструктивно они изучаются в рамках лингвокультурологии, лингвистической аксиологии, этнолингвистики, психоллингвистики. Поскольку система ценностей представляет собой многоаспектное явление, в рамках лингвистических концепций наблюдается несколько направлений их исследования. При этом основным средством анализа и интерпретации выступает язык как материал для постижения и понимания ценностной картины мира того или иного этноса.

Так, в лингвокультурологическом и этнолингвистическом русле содержание картины мира анализируются посредством совокупности различных концептов: семья,

родина, любовь, дружба и др. В психолингвистике ценности изучаются в зеркале языкового сознания. Образы языкового сознания, полученные с помощью ассоциативного эксперимента, рассматриваются в сопоставлении двух или нескольких культур, в разрезе поколений одного этноса и т.п. Например, Г.А. Дырхеева изучает образы языкового сознания бурят билингвов с конца 80-х – начала 90-х гг. XX в. Собранный ею материал позволяет проводить сравнительные исследования, отслеживать изменения в уровне стереотипности реакций, выявлять силу влияния национального языкового кода и т.д. [Дашинамаева, Дырхеева, Жалсанова, Хилханова 2010: 98-116].

Внутриэтнические диахронические сопоставления традиционных этноспецифических ценностей на примере казахского языка отражены в работах казахстанских исследователей Н.В. Дмитрюк [Дмитрюк 1978, Дмитрюк, Молдалиева и др. 2014, Артыкбаева 2016, Дмитрюк 2017]. На материале, полученном в разные периоды, казахские исследователи изучают ядро языкового сознания этноса. Данный анализ позволяет им выявить иерархию базовых ценностей, их трансформацию, проследить изменения как в стратегиях ассоциирования, так и в ментальном климате респондентов [Дмитрюк, Черкасова, Артыкбаева 2016, 134-135].

Необходимо выделить, что исследования специфики языкового сознания, ценностных предпочтений этноса на примере малых национальных языков России только развиваются. В настоящей работе на материале ассоциативного эксперимента дана попытка рассмотреть специфику образов языкового сознания современных тувинцев по отношению к таким ключевым составляющим традиционной тувинской культуры, как *отара*, *юрта*, *конь*.

Методика исследования

В статье использованы данные ассоциативного эксперимента, проведенного нами с носителями тувинского языка в рамках комплексного социопсихолингвистического исследования языковой ситуации в Республике Тыва [Цыбенова 2013б]. Эксперимент был включен в качестве одного из заданий в лингвистическую часть опросника, состоявший из двух частей: социолингвистической (24 вопроса) и лингвистической (3 вопроса). Вторая часть состояла из следующих заданий: *«Переведите, пожалуйста, следующие словосочетания на тувинский язык»*, *«Напишите, пожалуйста, какие ассоциации вызывают у Вас следующие слова»*, *«Допишите недостающую пару приведенных слов так, чтобы получились слова с единым значением»*. Следует отметить, что в указанном исследовании он носил сопутствующий характер, и прежде всего был направлен на получение общих представлений о языковой картине мира, о языковом сознании тувинцев, верифицировал объективное знание тувинского и русского языков респондентами.

В исследовании эксперимент состоял из 51 слова, представленных в качестве стимулов. В список стимулов были включены знаменательные слова разных частей речи: имена существительные, прилагательные, числительные, глагол. В свою очередь, лексические единицы относились к различным лексико-семантическим группам: цветообозначения, стороны света, животные, числа, объекты природы, родной очаг, абстрактные явления, человек, виды деятельности, сакральные объекты, традиционные занятия. Исходя из общей цели комплексного исследования, было обработано по 100 анкет на тувинском и русском языках независимо от половозрастных и социальных характеристик испытуемых (всего – 200 анкет). В итоге по всему массиву получено 3664 разных реакций, из них на русском – 2154, на тувинском – 1510.

Массовый ассоциативный эксперимент на основе выработанного списка слов-стимулов на тувинском материале пока не проводился, ассоциативный словарь тувинского языка на сегодняшний день отсутствует. Поэтому полученные в ходе нашего исследования данные представляют собой первый опыт получения и интерпретации материалов на примере тувинского языка. Некоторые результаты, отражающие особенности содержания и структуры языкового сознания тувинцев-билингвов опубликованы в ряде наших статей [Цыбенова 2012, Цыбенова 2013а].

При обработке и моделировании материала для данной работы мы исходили из структуры ассоциативного поля, которая, как правило, имеет иерархически организованный характер, и выделили следующие зоны: центр поля, его ближняя и дальняя периферии. В центральную зону были включены наиболее частотные реакции, к ближней периферии отнесены менее частотные реакции, и соответственно, единичные реакции составили дальнюю периферийную зону. Таким образом, ассоциативное поле представлено в виде таблицы, разделенной на три части. В приведенных таблицах за каждой реакцией в круглых скобках указана ее частотность, межъязыковые реакции выделены полужирным курсивом.

Обсуждение

Современная Тува как часть древней кочевой цивилизации до сих пор сохраняет некоторые ее традиции, обычаи и ритуалы. Как известно, в кочевом обществе главенствующую роль всегда занимала семья, крепкие и близкие родственные отношения, связь с соплеменниками. Исследования этносоциологов подтверждают, что семья, в том числе забота о детях и родственные отношения как базовые ценности у тувинцев пока еще сохраняются [Резников, Товуу 2002: 47]. На стабильность выявленных ценностей, их межпоколенную преемственность и главенствующую роль, в том числе у молодежи, указывают и результаты новых исследований [Монгуш 2014: 83].

Между тем система ценностей представляет собой динамический процесс и в кризисные периоды истории этноса она может претерпевать различные социальные трансформации. Для тувинского общества подобного рода трансформацией стала кардинальная перемена жизненного уклада тувинцев, а именно – переход основной части населения на оседлость в советский период. На это указывают и исследователи, изучающие историю Тувы, ее социально-экономическое и политическое развитие. Они пишут, что революционное изменение образа жизни тувинцев нарушило культурно-историческую преемственность поколений [Харунова 2011: 115], привело к уничтожению культурных и религиозных ценностей, за короткий срок тувинцы не успели поменять свои социокультурные установки и адаптироваться к современным экономическим реалиям [Дабиев, Дабиева 2015: 54].

В этой связи отмечаются и противоречивые стороны: тувинская культура во многом оставаясь коллективистской, в то же время стремится оторваться от традиций. У молодежи наблюдается низкая значимость собственной культуры, нежелание следовать традициям и нормам своего народа [Марюхина, Уланова, Фрокол 2013: 39-40]. В ценностном мировоззрении наметилась переориентация на западные жизненные ориентиры: направленность на учебу и получение высшего образования, материальное благосостояние и карьерный рост [Семенова 2009: 139-140].

Смена уклада жизни, изменение окружающей социальной действительности несомненно влияют и на ценностную картину мира этноса, что влечет трансформацию

традиционного миропонимания и языковой ментальности. Поэтому в рамках обозначенной темы рассматриваются ассоциативные поля, связанные со скотоводством, отражающие кочевой образ жизни тувинцев, в частности, полученные на стимулы *аът* 'конь', *сүрүг* 'отара', *өг* 'юрта' на тувинском языке. Предварительный концептуально-семантический анализ наиболее частотных (центральных) и единичных (периферийных) реакций показывает, что данные слова-стимулы современными тувинцами актуализуются несколько иначе.

Так, стимул *сүрүг* 'отара' вызвал некоторые затруднения среди респондентов, многие из которых не знали или забыли его лексическое значение. Показательным для данного ассоциативного поля является наличие наибольшего количества нулевых реакций, которые зафиксированы в центральной зоне (табл. 1).

Таблица №1

Ассоциативное поле *сүрүг* 'отара'

<i>сүрүг</i> 'отара' (25)	
1	<i>мал/мал-маган</i> 'скот' (51); 0 (16)
2	<i>чылгы</i> 'табун' (5); <i>сүрер</i> 'гнать, перегонять на другое место', <i>хой/хойлар</i> 'овца/овцы' (3); <i>дезер</i> 'убегать, сбегать', <i>аът/аъттар</i> 'лошадь/лошади', <i>мөзү-шынар/бүдүш</i> 'характер, нрав' (2)
3	<i>Доржу</i> 'имя собств. Доржу'; <i>бедик</i> 'высокий'; <i>тайга</i> 'тайга'; <i>чедер</i> 'дойти, достигать'; <i>херээ чок</i> 'не нужно'; <i>сыыртаар</i> зд. <i>сывыртаар</i> 'гонять, гнать'; <i>ак сеткил</i> 'добрая душа'; <i>чедип алыр</i> 'достигнуть'; <i>ферма</i> ; <i>семис</i> 'толстый, жирный'; <i>көжсер</i> 'переезжать, перекочевывать'; <i>чүдүлге</i> 'религия, вера'; <i>кижи сүрер</i> 'гнать человеку, кому-либо'; <i>үези</i> 'время'.

Отметим, что реакции-отказы в проведенном исследовании в основном были выявлены в тувинском массиве. Например, множество единичных реакций подобного типа отмечены в ассоциативных полях на стимулы, связанные с абстрактными именами существительными (*хосталга* 'свобода', *чүдүлге* 'религия', *хүндүткел* 'уважение', *чуртталга* 'жизнь', *үе* 'время', *биче сеткил* 'милосердие') и на концепты традиционной тувинской культуры (*чылгы* 'табун', *аът* 'конь', *өг* 'юрта', *сүрүг* 'отара', *эът* 'мясо', *хөөмей* 'горловое пение').

В указанном ассоциативном поле выделяются следующие группы реакций: реакции-номинации (*мал/мал-маган* 'скот', *чылгы* 'табун', *хой/хойлар* 'овца/овцы', *аът/аъттар* 'лошадь/лошади') и реакции-действия (*сүрер* 'гнать, перегонять на др. место', *дезер* 'убегать, сбегать', *чедер* 'дойти, достигать', *сыыртаар* зд. *сывыртаар* 'гонять, гнать', *чедип алыр* 'достигнуть', *көжсер* 'переезжать, перекочевывать', *кижи сүрер* 'гнать человеку, кому-либо'). Если реакции-номинации (слова-реакции, обозначающие, предметы, конкретные и абстрактные понятия, животных) являются частотными, то основная часть функциональных реакций (реакций-действий), обозначающих деятельность или процесс и ассоциируемых со словом-стимулом, единичны. Отсюда можно предположить, что с указанными видами деятельности кочевого скотоводства знакома лишь некоторая часть респондентов.

Относительно реакций-номинаций отметим, что в эксперименте актуализовано и другое лексическое значение слова-стимула *сүрүг*, не только 'отара', но и общие значения 'скот', 'количество/множественность скота': *сүрүг* 'отара' → *аът/аъттар* 'лошадь/лошади', *чылгы* 'табун'. Сюда же можно отнести ассоциативную пару с пред-

кативным отношением *сүрүг* 'отара' → *үези* 'время-gen' (gen. – genitive/родительный падеж), которую следует интерпретировать дословно как 'время гона животных'. Ассоциативная связь в данном примере вербализована на основе другой лексемы: от глагола *сүрер* 'гнать, перегонять', который также имеет значение 'поведение и состояние животных в брачный период'.

Возникшие в указанных случаях ассоциативные пары определяются нами как неопределенные или немотивированные реакции, когда ответы основаны на приблизительном или же ином представлении о значении предъявленного стимула и других контекстах его употребления. Кроме того, среди единичных реакций в рассматриваемом поле выделяется реакция с негативной оценкой *херээ чок* 'не нужно'.

При обработке ассоциативных полей учитывается и количественный параметр, а именно уровень стереотипности реакций. Его можно вычислить по формуле: $R=N/\Sigma$, где N – число разных реакций, а Σ – общее количество реакций на данное слово-стимул. Считается, что чем меньше значение R , тем выше уровень стереотипности реакций на данное слово [Уфимцева 1983: 151]. Так, у стимула *сүрүг* 'отара' он равен 0,25. Можно предположить, что меньший коэффициент (0,25) говорит о слабой динамике изменения языкового сознания, о его стабильности, о типичности и стандартности данного образа для носителей тувинского языка.

Вместе с тем, рассматривая уровень стереотипности, следует указать, что он может интерпретироваться по-разному. Так, считается, что ассоциативные связи между стимулом и реакцией могут носить двойственный характер. По мнению И.Г. Овчинниковой, стереотипные ассоциации отражают сформированный автоматизм установления связи, они не требуют от индивида решения интеллектуальной задачи, т.к. благодаря прошлому опыту у него выработался автоматизм: решение всплывает «само» без участия сознания. Поэтому они могут рассматриваться как в качестве критерия сформированности определенной деятельности, так и в качестве показателя инерционности мышления [Овчинникова 2002: 17].

Вполне вероятно, что на уровень стереотипности реакций влияет и уровень языковой компетенции. Чем компетентнее респонденты во владении языком проведения эксперимента, тем больше у них одинаковых, совпадающих типовых реакций. В нашем случае, согласно социолингвистической части анкеты, уровень языковой компетенции респондентов во владении тувинским (родным) языком равняется 97% [Цыбенова 2013б]. Можно допустить, что значение индекса стереотипности будет невысоким, из-за высокой степени сформированности речепроизводительной деятельности респондентов на тувинском языке.

Таким образом, учитывая наличие нулевых и немотивированных реакций в данном ассоциативном поле, низкий коэффициент стереотипности, скорее всего, следует понимать именно как показатель инерционности мышления. Очевидно, что шаблонность на уровне языкового клише, отсутствие активности, слабая степень актуализации образа отары в сознании респондентов связаны с отходом тувинцев от традиционных видов хозяйствования. В связи с этим отмечается и пассивное функционирование данной лексемы в речи.

О пассивном использовании некоторых разрядов лексических единиц в речи бурят-билингвов на бурятском (родном) языке указывает и П.П. Дашинимаева. Так, на нейрофизиологическом уровне слабую активацию некоторых слов из глоссария билингвов она связывает с процессом дефункционализации и полагает, что «каждое сле-

дующее поколение общается на меньшем глоссарии, чем тот объем, на котором новывалось общение предыдущих поколений» [Дашинимаева, Дырхеева, Жалсанова, Хилханова 2010: 37]. Тем самым, она считает, что у молодого поколения наблюдается лексический «дефицит» и они не способны свободно производить необходимые слова на родном языке. Их этноконцептуальная база сформирована на меньшем глоссарии и, как следствие, они переключают код родного языка на русский [Дашинимаева, Дырхеева, Жалсанова, Хилханова 2010: 37-38].

Можно сказать, что процесс дефункционализации эквивалентен нашему случаю, с той лишь разницей, что респонденты – тувинцы-билингвы – не переключаются на русский язык, а вербализуют ассоциативные связи преимущественно свойственные типовому контексту употребления данного слова, на уровне языкового клише. Реакцию *мал/мал-маган* ‘скот’ актуализовали чуть более половины опрошенных – 51 человек. В проведенном эксперименте «клишированных» реакций достаточно много. Например, у стимулов, обозначающих стороны света *чөөн* ‘восток’, *барыын* ‘запад’, *мурнуу* ‘юг’, наиболее частотной, центральной реакцией является слово *чүк* – ‘сторона /сторона света/ направление’, которую в каждом из указанных полей выбрали от 60 до 70 респондентов [Цыбенова 2013б: 236-239].

Ассоциативные пары подобного характера очень похожи на парные слова и, очевидно, связаны с особенностями тувинского языка. При этом интересно, что в упомянутых случаях ассоциативные образы наиболее полно и четко предстают только в единстве со словом-стимулом, по отдельности семантика образа выражена крайне слабо. Согласно общепринятой классификации эти реакции были отнесены к синтагматическому типу связи, т.е. связи, основанные на соположении элементов, построенные на минимальном контексте [Завьялова 2001: 65].

Вопросы трудностей классификации, перевода определенных слов, ассоциативных пар, интерпретации ассоциативно-вербальных связей поднимаются многими исследователями малых национальных языков [Дашинимаева, Дырхеева, Жалсанова, Хилханова 2010, Павлова 2003, Мушаев, Мушаева 2016]. Например, пару *ногаан* ‘зеленый’ → *сиген* ‘трава, зелень’, можно интерпретировать либо как «зеленая трава» (отношение предикации), либо – «зеленый – зелень» (сходство по признаку). Эти примеры свидетельствуют об особенностях, обусловленных структурой концертного языка, и являются материалом для дальнейших актуальных исследований в этом направлении.

Следующий анализируемый нами стимул связан с древним жилищем кочевых народов, в том числе и тувинцев – это *өг* ‘юрта’. В тувинской культуре юрта сегодня используется в различных целях: в прямом назначении как вид жилья, в гостиничном бизнесе в целях развития туризма, в школах для учебно-воспитательных целей, в культурно-массовых, просветительских мероприятиях как символ кочевой культуры. Поэтому анализ ассоциативного поля показывает наличие разнообразных реакций. В связи с этим можно предположить, что в ментальном пространстве тувинцев ассоциативный образ юрты активно и динамично развивается (табл. 2).

Таблица №2

Ассоциативное поле *өг* ‘юрта’

<i>өг</i> ‘юрта’ (34)	
1	<i>кидис</i> ‘войлочная’ (13); <i>буле</i> (парн. <i>өг-буле</i>) ‘семья’ (12); <i>аал</i> ‘чабанская стоянка/стойбище’ (11)

2	<i>бajың/бajың-балгат</i> ‘дом/жилье/жилище’ (7); <i>улуг</i> ‘большая’ (6); <i>ак</i> ‘белая’, <i>тыва</i> ‘тувинская’, <i>мал-маган</i> ‘скот’ (4); <i>оран-сава</i> ‘жилье/жилище’, <i>чайлаг</i> ‘летнее пастбище/стойбище/стоянка’ (3); <i>хараача</i> - зд. светодымовое отверстие юрты (3); <i>борбак</i> ‘круглая’, <i>чылыг</i> ‘теплая’, <i>0</i> , <i>бедик</i> ‘высокий’ (2).
3	<i>чуртталга</i> ‘жизнь’; <i>эт</i> ‘вещь’; <i>сүттүг шай</i> ‘чай с молоком’; <i>одар</i> ‘пастбище’; <i>чурттаар</i> ‘жить’; <i>өг</i> ‘юрта’; <i>баиш</i> ‘голова’; <i>эр, кыс тала</i> ‘мужская, женская половина юрты’; <i>төгерик</i> ‘круг/круглая’; <i>тудар</i> ‘строить’; <i>октаргай</i> ‘космос’; <i>сүт</i> ‘молоко’; <i>өртөмчөй</i> ‘вселенная’; <i>чаа</i> ‘новая’; <i>тигер</i> ‘возводить/ставить юрту’; <i>чараиш</i> ‘красивая’; семья

В данном поле можно отметить наличие оценочных реакций (*кидис* ‘войлочная’, *улуг* ‘большая’, *ак* ‘белая’, *тыва* ‘тувинская’, *борбак* ‘круглая’, *чылыг* ‘теплая’, *чараиш* ‘красивая’ и др.), реакций-номинаций (*аал* ‘чабанская стоянка/стойбище’, *бajың/бajың-балгат* ‘дом/жилье/жилище’, *мал-маган* ‘скот’, *одар* ‘пастбище’, *эт* ‘вещь’, *сүттүг шай* ‘чай с молоком’, *сүт* ‘молоко’, *чуртталга* ‘жизнь’, *октаргай* ‘космос’, *өртөмчөй* ‘вселенная’ и др.). Современные носители языка знают и такие атрибуты юрты, как *хараача* – светодымовое отверстие юрты. Интересно, что данная реакция зафиксирована в зоне ближней периферии. Можно отметить и реакцию *эр, кыс тала* ‘мужская и женская половины юрты’.

Более разнообразным по содержанию и структуре является ассоциативное поле, полученное на стимул *аът* ‘конь’. Отмечено множество реакций-оценок, связанных с породой и мастью коня, зафиксированы реакции, отражающие атрибуты коня (*доруг* ‘гнедой’, *шилги* ‘рыжий/коричневато-рыжий’, *кара* ‘вороной’, *чыраа* ‘иноходец’), зафиксированы реакции, отражающие атрибуты коня (*эзер* ‘седло’, *баглааиш* ‘коновязь’). Немаловажно и наличие реакций-персоналий (*эр кижи* ‘мужчина’, *чылыгычы* ‘табунщик’, *малчын* ‘чабан’), реакций-локативов (*тайга* ‘тайга’, *аал* ‘стойбище’, *көдээ* ‘село/стойбище/летник’). Многочисленны реакции-действия, характеризующие бег и поведение коня: *киштээр* ‘ржать’, *маңнаар* ‘бегать’, *челер* ‘ходить/бегать рысью’, *саяктаар* ‘ходить/бегать иноходью’, *мунар* ‘ездить верхом’. Выделяются реакции, указывающие на его ценность: *аът* ‘конь’ → *бедик сүлде* ‘могущественный символ’, *эртине* ‘драгоценность, ценность’, *херек* ‘нужный/необходимый’ (табл. 3).

Таблица №3

Ассоциативное поле *аът* ‘конь’

<i>аът</i> ‘конь’ (40)	
1	<i>мал</i> ‘животное/скот/скотина’ (26); <i>чүгүрүк</i> ‘быстрый/скакун’ (12)
2	<i>эзер</i> ‘седло’ (7); <i>чараиш</i> ‘красивый’ (5); <i>мунар</i> ‘ездить верхом’ (4); <i>ак</i> ‘белый’ (4); <i>доруг</i> ‘гнедой’ (3); <i>эмдик</i> ‘дикий’ (3); <i>ажыл</i> ‘работа’, <i>шилги</i> ‘рыжий/коричневато-рыжий’, <i>кара</i> ‘вороной’, <i>бедик</i> ‘высокий’, <i>лошадь</i> (2).

3	<p><i>чыраа</i> ‘иноходец’; <i>баглааиш</i> ‘коновязь’; <i>аал</i> ‘стойбище/стоянка’; <i>аът</i> ‘лошадь/конь’; <i>аскыр</i> ‘жеребец/мерин’; <i>хат</i> ‘ветер’; <i>эр кижиги</i> ‘мужчина’; <i>0</i>; <i>дириг амытан</i> ‘животное’; <i>тайга</i> ‘тайга’; <i>хову</i> ‘поле’; <i>киштээр</i> ‘ржать (зд. о лошади)’; <i>хөлге</i> ‘верховая лошадь’; <i>бедик сүлде</i> ‘могущественный символ’; <i>малчын</i> ‘скотовод/чабан’; <i>чылгычы</i> ‘табунщик’; <i>челер</i> ‘ходить иноходью’; <i>шыырак</i> ‘сильный, могучий’; <i>саяктаар</i> ‘ходить иноходью’; <i>эртине</i> ‘драгоценность, ценность’; <i>көдээ</i> ‘село/стойбище’; <i>ала</i> ‘пегий’; <i>маңнаар</i> ‘бегать’; <i>кула</i> ‘саврасый’; <i>чер</i> ‘земля’; <i>херек</i> ‘нужный/необходимый’</p>
---	---

В целом, как и образ юрты, ассоциативный образ коня чрезвычайно богат и разнообразен. О динамичности данных образов свидетельствует и высокий коэффициент уровня стереотипности: *аът* ‘конь’ – 0,4, *өг* ‘юрта’ – 0,34. Ни в образе коня, ни в образе юрты не встречается ни одной реакции с негативной коннотацией, нулевые реакции единичны. Нам представляется, что их положительный образ объясняется высокой символическостью и их прежней актуальностью в жизни и быту современных тувинцев.

Например, коневодство в Туве считается экономически выгодной отраслью животноводства. Несмотря на упадок деятельности коневодческих ферм по сравнению с докризисными годами, у населения наблюдается огромный интерес к спортивному коневодству. Можно утверждать, что сегодня и юрта, и конь активно используются как средство получения дохода. Поэтому следует говорить о смене основного функционального назначения как юрты, так и коня в современной тувинской культуре, следовательно, можно констатировать трансформацию данных ассоциативных образов в языковом сознании тувинцев, в их ценностной картине мира.

Выводы

В заключение исследования отметим, что:

- разряды лексики, связанные с традиционным бытом, со старым укладом жизни употребляются в речи все меньше, наблюдается их «дефункционализация», тем самым на уровне ассоциативного значения слова отмечаются преимущественно типовые контексты его употребления;

- ассоциативное значение слова подвижно; в зависимости от внешних факторов, окружающей социальной действительности ассоциативные связи между стимулом и реакцией либо сокращаются, либо расширяются;

- количество ассоциативных связей лексической единицы коррелирует с уровнем стереотипности данного слова-стимула; по объему и широте ассоциативного значения слова можно судить об активной или пассивной степени его функционирования в речи.

Таким образом, динамичность ассоциативных полей свидетельствует о подвижности языкового сознания. Анализ ассоциативных полей дает возможность понять, почему некоторые слова мало функционируют в нашей речи, почему некоторые лексические значения выпадают, а другие наоборот, обновляются, обогащаются. Все это указывает на своеобразии мировосприятия носителя языка в данную эпоху, на интенсивность влияния различных процессов на наше языковое сознание, шире – на этническую картину мира. Поэтому необходимость всестороннего исследования этнокультурных ценностей очевидна, и в первую очередь, посредством языка как основной формы существования национальной культуры.

Литература

Артыкбаева Ф.И. Отражение базовых ценностей в ядре ментального лексикона носителей языка и культуры (диахронический аспект): автореф. дис. ... кан. филол. наук. Тверь, 2016. 19 с.

Дабиев Д.Ф., Дабиева У.М. О скорректированном показателе индекса развития человеческого потенциала с учетом социокультурных факторов (на примере Республики Тыва) // Экономический анализ: теория и практика. Вып. 37. 2015. С. 50–64.

Дашинимаева П.П., Дырхеева Г.А., Жалсанова Ж.Б., Хилханова Э.В. Бурятско-русский билингвизм: психолингвистический аспект: Монография. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. 166 с.

Дмитрюк Н.В. Казахско-русский ассоциативный словарь. Шымкент-Москва, 1978. 246 с.

Дмитрюк Н.В., Молдалиева Д.А., Нарожная В.Д., Молданова Ж.И., Мезенцева Е.С., Сандыбаева Н.А., Абрамова Г.И. Қазақша ассоциациялық сөздік / Казахский ассоциативный словарь. Алматы-Москва: Медиа-ЛогоС, 2014. 330 с.

Дмитрюк Н.В., Черкасова Г.А., Артыкбаева Ф.И. Этноментальный феномен ядра языкового сознания: ассоциативные исследования в Казахстане // Вопросы психолингвистики. 2016. №28. С.132–149.

Дмитрюк Н.В. Трансформация ценностных предпочтений этноса в призме ассоциативных экспериментов // Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: Материалы XVII-й Международной научной конференции (Орехово-Зуево, 17-19 мая 2017 г.) / Отв. ред. проф. А.В. Пузырёв. М.: Ин-т языкознания РАН; Орехово-Зуево: ГОУ ВО МО «Государственный гуманитарно-технологический университет», 2017. С.13–15.

Завьялова М.В. Исследование речевых механизмов при билингвизме (на материале ассоциативного эксперимента с литовско-русскими билингвами) // Вопросы языкознания. № 5. 2001. С. 60–85.

Марюхина В.В., Уланова Г.С., Фрокол А.С. Ценностные ориентации молодежи города Кызыла Республики Тыва // Вестник Тувинского государственного университета. Серия «Педагогические науки». 2013. Вып. 4. С. 35–43.

Монгуш У.Х. Гостеприимность как ценность тувинской студенческой молодежи // Акмеология. 2014. №2(50). С. 79–84.

Мушаев В.Н., Мушаева В.И. Исследование этнического языкового сознания и ассоциативный эксперимент (на материале калмыцкого языка) // Вестн. Калм. инст. гум. исслед. 2016. Вып. 4. С. 68–74.

Овчинникова И.Г. Ассоциативный механизм в речемыслительной деятельности: дис. ... д-ра филол. наук. СПб, 2002. 382 с.

Резников Е.Н., Товуу Н.О. Этнопсихологические характеристики народа тыва: теория и практика. М.: ПЕР СЭ, 2002. 223 с.

Семенова Н.Б. Этнокультуральные особенности самосознания и иерархия жизненных ценностей в структуре мировоззрения тувинской молодежи // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2009. №2. С. 136–140.

Павлова И.П. К проблеме ассоциативно-вербальных связей слов в современном якутском языке // Современные языковые процессы в Республике Саха (Якутия): Актуальные проблемы. Новосибирск: Наука, 2003. С.198–216.

Уфимцева Н.В. Опыт экспериментального исследования развития словесного значения // Психолингвистические проблемы семантики. М.: Наука, 1983. С. 140–180.

Харунова М.М.-Б. Социально-политическое развитие Тувы в середине XX века. Новосибирск: Наука, 2011. 139 с.

Цыбенова Ч.С. Об опыте исследования языкового сознания тувинцев-билингвов // Тюрко-монгольские народы Центральной Азии: язык, этническая история и фольклор (к 100-летию В. М. Наделяева). Материалы Международной научной конференции (г.Кызыл, 20-23 мая 2012 г.). Абакан: Хакасское книжное издательство, 2012. 330 с. С. 14–149.

Цыбенова Ч.С. Ассоциативный эксперимент в контексте исследования языковой ситуации: на примере Республики Тыва // Вопросы психолингвистики. 2013а. №1(17). С. 180–193.

Цыбенова Ч.С. Современная языковая ситуация в Республике Тыва: социопсихолингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2013б. 240 с.

REFLECTION OF AXIOLOGICAL PICTURE OF THE WORLD IN LANGUAGE

Chechek S. Tsybenova

research fellow, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
Siberian branch of Russian Academy of Sciences
670047, Ul. M. Sahyanovoi, 6, Ulan-Ude, Russia,
tschechek@mail.ru

The article is devoted to the transformation of axiological system related to ethno-cultural values, which are studied through the prism of language consciousness. On the basis of associative experiment conducted with native Tuvan speakers, the words reflecting Tuvans nomadic way of life are analyzed: *flock, yurt, horse*. Associative meanings of these words are considered in comparison with Tuvan traditional and cultural worldview. The author analyzes new acquired meanings presented in a world image of modern bearer of Tuvan linguistic culture. The analysis reveals that new associative meanings appear in associative field of words *yurt* and *horse*. These meanings indicate changes in traditional Tuvan worldview. On the other hand, the analysis shows that associative meanings are not updated for all lexical units. In central area of word *flock* there are numerous zero responses. It shows departure of modern Tuvans from traditional way of life. Therefore, some words related to old way of life are practically unknown to modern native speakers and today we observe their “lexical defunctionalization”. The actualization of unusual associative images indicates changes in Tuvans language mentality, formation of new national and cultural stereotypes. Investigation of word meanings and their dynamics is relevant to predict development of national cultures and modern society as a whole.

Keywords: values, transformation of values, linguistic mentality, linguistic consciousness, Tuvans, Tuvan language

References

Artykbaeva F.I. Otrazhenie bazovyh cennostej v yadre mental'nogo leksikona nositelej yazyka i kul'tury (diahronicheskij aspekt): avtoref. dis. ... kan. filol. nauk. [Basic values

reflection in the core of language and culture owners' mental lexicon (diachronic aspect): synopsis of diss. ... cand. filol. science]. Tver', 2016. 19 s. (In Russian).

Cybenova Ch.S. Associativnyj eksperiment v kontekste issledovaniya yazykovoj situacii: na primere Respubliki Tyva [Associative experiment in the context of language situation: evidence of the Republic of Tyva] // *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of psycholinguistics]. 2013a. №1(17). S. 180–193. (in Russian).

Cybenova Ch.S. Ob opyte issledovaniya yazykovogo soznaniya tuvincev-bilingvov [Research experience of the Tuvan bilinguals linguistic consciousness] // *Tyurko-mongol'skie narody Central'noj Azii: yazyk, etnicheskaya istoriya i fol'klor (k 100-letiyu V.M. Nadelyaeva)*. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Turk-Mongolian people of Central Asia: language, ethnic history and folklore (to the 100th anniversary of V.M. Nadelyaev). Materials of international scientific conference]. (Kyzyl, 20-23 ma 2012). Abakan: Hakasskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2012. 330 s. S. 145–149. (in Russian).

Cybenova Ch.S. Sovremennaya yazykovaya situaciya v Respublike Tyva: sociopsiholingvisticheskiy aspekt: dis. ... kand. filol. nauk. [Current language situation in the Republic of Tyva: sociopsycholinguistic aspect: candidate thesis]. Ulan-Ude, 2013b. 240 s. (in Russian).

Dabiev D.F., Dabieva U.M. O skorrektirovannom pokazatele indeksa razvitiya chelovecheskogo potenciala s uchetom sociokul'turnyh faktorov (na primere Respubliki Tyva) [On adjusted human development index subject to sociocultural factors (the Tyva Republic case)] // *Ekonomicheskij analiz: teoriya i praktika* [Economic analyses: theory and practice]. Vyp. 37. 2015. S. 50–64. (In Russian).

Dashinimaeva P.P., Dyrheeva G.A., Zhalsanova Zh.B., Hilhanova E.V. Buryatsko-russkij bilingvizm: psiholingvisticheskiy aspekt: Monografiya. [The Buryat-Russian Bilingualism: Psycholinguistic aspect: A Monograph]. Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2010. 166 s. (In Russian).

Dmitryuk N.V. Kazahsko-russkij associativnyj slovar' [Kazakh-Russian associative dictionary]. Shymkent-Moskva, 1978. 246 s. (In Russian).

Dmitryuk N.V. Transformaciya cennostnyh predpochtenij etnosa v prizme associativnyh ehksperimentov [Transformation of ethnic axiological preferences in the prism of associative experiments] // *Yazyk i myshlenie: Psihologicheskie i lingvisticheskie aspekty: Materialy XVII-j Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Language and Mind: psychological and linguistic aspects: materials of the XVIIth International scientific conference] (Orehkovo-Zuevo, 17-19 maya 2017 g.) / *Otv. red. prof. A.V. Puzyryov*. M.: In-t yazykoznanija RAN; Orekhovo-Zuevo: GOU VO MO «Gosudarstvennyj gumanitarno-tekhnologicheskij universitet», 2017. 188 s. S.13–15. (in Russian).

Dmitryuk N.V., Cherkasova G.A., Artykbaeva F.I. Etnomental'nyj fenomen yadra yazykovogo soznaniya: associativnye issledovaniya v Kazahstane [Ethno-mental phenomenon of the core of linguistic consciousness: associative researches in Kazakhstan] // *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of psycholinguistics]. 2016. №28. S.132–149. (in Russian).

Dmitryuk N.V., Moldaliev D.A., Narozhnaya V.D., Moldanova Zh.I., Mezentsева E.S., Sandybayeva N.A., Abramova G.I. Kazahskij associativnyj slovar' [Kazakh associative dictionary]. Almaty-Moskva: Media-LogoS, 2014. 330 s. (in Russian).

Harunova M.M.-B. Social'no-politicheskoe razvitie Tuvy v seredine XX veka [Sociopolitical development of Tuva in the middle of XXth century]. Novosibirsk: Nauka, 2011. 139 s. (in Russian).

Maryuhina V.V., Ulanova G.S., Frokol A.S. Cennostnye orientacii molodezhi goroda Kyzyla Respubliki Tyva [Axiological orientations of youth in Kyzyl of the Republic of Tyva] // Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pedagogicheskie nauki» [The bulletin of Tuva state university. Pedagogy]. 2013. Vyp. 4. S. 35–43. (in Russian).

Mongush U.H. Gostepriimnost' kak cennost' tuvinskoj studencheskoj molodezhi [Hospitality as a value of the Tuvan student youth] // Akmeologiya [Akmeology]. 2014. №2(50). S. 79–84. (in Russian).

Mushaev V.N., Mushaeva V.I. Issledovanie etnicheskogo yazykovogo soznaniya i associativnyj ehksperiment (na materiale kalmyckogo yazyka) [Investigation of ethnic linguistic consciousness and associative experiment (on the material of the Kalmyk language)] // Vestn. Kalm. inst. gum. issled. [The bulletin of Kalmyk institute of humanitarian researches] 2016. Vyp. 4. S. 68–74. (in Russian).

Ovchinnikova I.G. Associativnyj mekhanizm v rechemyslitel'noj deyatel'nosti: dis. ... d-ra filol. nauk. [Associative mechanism in speech-thinking activity: Doctor thesis] SPb, 2002. 382 s. (in Russian).

Pavlova I.P. K probleme associativno-verbal'nyh svyazej slov v sovremennom yakutskom yazyke [To the problem of associative verbal links of words in the modern yakut language] // Sovremennye yazykovye processy v Respublike Saha (Yakutiya): Aktual'nye problem [Current linguistic processes in the Republics of Saha (Yakutia): actual issues]. Novosibirsk: Nauka, 2003. 224 s. S.198–216. (in Russian).

Reznikov E.N., Tovuu N.O. Etnopsihologicheskie harakteristiki naroda tyva: teoriya i praktika [Ethnopsychological characteristics of Tuva people: theory and practice]. M.: PER SEH, 2002. 223 s. (in Russian).

Semenova N.B. Etnokul'tural'nye osobennosti samosoznaniya i ierarhiya zhiznennyh cennostej v strukture mirovozzreniya tuvinskoj molodezhi [Ethno-cultural peculiarities of self-consciousness and hierarchy of life values in the structure of Tuvan youth outlook] // Sibirskij vestnik psihiatrii i narkologii [Siberian bulletin of psychiatry and narcology]. 2009. №2. S. 136–140. (in Russian).

Ufimtseva N.V. Opyt ehksperimental'nogo issledovaniya razvitiya slovesnogo znacheniya [Experimental research experience of word meaning development] // Psiholingvisticheskie problemy semantiki [Psycholinguistic problems of semantics]. M.: Nauka, 1983. 286 s. S. 140–180. (in Russian).

Zav'yalova M.V. Issledovanie rechevyh mekhanizmov pri bilingvizme (na materiale associativnogo ehksperimenta s litovsko-russkimi bilingvami) [Investigation of speech mechanisms under bilingualism (on the material of associative experiment with the Lithuanian-Russian bilinguals)] // Voprosy yazykoznaniya [Journal of linguistics]. № 5. 2001. S. 60–85. (in Russian)